

ЛЕВ НЕ ЗНАЕТ

ДЕНИС ПОЖИДАЕВ

18+

Денис Пожидаев

Лев не знает

«Автор»

2026

Пожидаев Д.

Лев не знает / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

Лев приходит в полицию и спокойно заявляет: сегодня он убьёт человека. Проблема в том, что будущая жертва находится за десятки километров, а сам Лев намерен всё это время сидеть под камерами. Следователь Ирина понимает: это не признание и не угроза. Это первый ход в партии, начавшейся семнадцать лет назад после гибели молодой женщины. У каждого участника этой истории есть своя версия прошлого. И только одна деталь способна перевернуть их все.

Денис Пожидаев

Лев не знает

Лев не знает

Денис Пожидаев

18:41

— Сегодня я убью Беляева, — сказал Лев и сел, не дожидаясь приглашения.

За окном второй час шёл осенний дождь. В коридоре кто-то ругался с принтером, над дверью кабинета тикали старые часы — круглые, в пожелтевшем пластмассовом ободе. Их когда-то повесил сюда сам Беляев, «чтобы допрашиваемый видел, сколько он уже врёт». Двадцать лет назад это был его кабинет. Теперь — её.

Ирина подняла глаза от бумаг.

Узнала не сразу. Семнадцать лет назад он был худым двадцатитрёхлетним парнем в мокрой куртке, который каждое утро сидел в коридоре на откидном стуле и спрашивал у всех, кто проходил мимо, одно и то же: почему Руденко на свободе. Его сестру Веру нашли тогда на дне оврага у лодочной станции «Волна». Дело закрыли как несчастный случай. Закрывал Беляев. Ирина была у него стажёром и носила ему папки.

Теперь Льву было за сорок. Хорошее тёмное пальто, аккуратная ранняя седина, ухоженные руки. В руках — колода карт. Он тасовал её одной рукой, не глядя, как другие люди от нечего делать щёлкают ручкой.

— Повторите, — сказала Ирина.

— Сегодня. Я. — Он посмотрел на часы над дверью. — Запишите время: восемнадцать сорок одна. Я отсюда не уйду, пока всё не закончится. Камеры в коридоре пишут?

— Лев Павлович...

— Просто Лев. Пишут?

— Пишут. Где Беляев?

— Дома. Живой. Позвоните.

Она позвонила. Беляев жил за городом, в старом доме у водохранилища, и последние годы почти не выходил: колено, давление, возраст. Раз в месяц Ирина привозила ему продукты и новости, он ворчал, что новости у неё плохие, а колбаса — ещё хуже. Ответил он на третьем гудке.

— Ира. Лев у тебя?

Она промолчала — от неожиданности.

— Значит, у тебя. — Голос был спокойный, утренний, как на планёрке двадцать лет назад. — Пусть сидит. Чаю ему дай. Ко мне не езд: в семь гость, разговор старый, мой. После восьми приезжай сама. Отдам тебе кое-что.

— Виктор Павлович, он говорит, что...

— Знаю, что он говорит. — И короткие гудки.

Лев перестал тасовать и положил колоду на стол, ровно, рубашкой вверх.

— Он сказал вам не приезжать.

— Откуда вы знаете?

— Это единственный ход, который у него есть.

Ирина набрала дежурного.

— Человека из двести четырнадцатого не выпускать. Ни под каким предлогом. Даже в туалет — с сопровождением.

Лев кивнул, будто сам это продиктовал.

18:52

Чай она всё-таки принесла — в гранёном стакане, в подстаканнике, других в отделе не держали. Беляев всегда говорил: человек с горячим стаканом в руках врёт медленнее. Лев к стакану не прикоснулся.

— Хорошо, — сказала Ирина. — Давайте по порядку. Как вы собираетесь убить человека, сидя в моём кабинете?

— Я не собираюсь. Партия уже идёт. Первый ход — мой, я сделал его в четыре часа дня. Второй — его. Ответ вынужденный: не ответить он не может. Дальше — техника.

— Кто «он»?

— Беляев. В семь к нему приедет Руденко.

Руденко.

Ирина помнила его лицо на опознании семнадцать лет назад: серое, мокрое, лицо человека, который убежал и знает, что убежал. Тогда он заведовал «Волной» — лодочной станцией на водохранилище: прокат лодок, причал, ржавый ангар, будка сторожа. Сейчас, кажется, сидел в районной администрации, что-то по рыбхозу. Ирина видела его однажды по местному телевидению: солидный, седой, говорил про зарыбление.

Она помнила и остальное — то, что знал весь отдел.

За три года до гибели Веры на том же водохранилище утонул её отец, Павел Корнеев, механик той же станции. Июньской ночью, пьяный, один, в лодке. Так записали. Вера в «одного» не поверила: кто-то из рыбаков видел у станции в ту ночь машину Руденко. Руденко сказал, что был дома. Жена подтвердила. Дело закрыли.

Вера три года ходила по кабинетам. Потом перестала ходить. А потом, в пятницу вечером, встретила Руденко у «Волны» — и утром её нашли в овраге, у бетонного лотка ливнёвки, с разбитой головой. Руденко признал, что встречался с ней. Сказал, что поругались и он ушёл, а она осталась. Экспертиза: падение. Беляев закрыл дело.

— Что будет, когда Руденко приедет? — спросила Ирина.

Лев снова взял колоду. Голос стал тише, будто он заглядывал под чужую ладонь.

— С Руденко сложнее. Он сидит с закрытой рукой. Может сбросить, может пойти на всё. Я вижу только, сколько у него на кону. На кону у него много.

Нужно было звонить в дежурную часть и отправлять наряд. Рука уже лежала на телефоне — и остановилась. Лев слишком старательно на эту руку не смотрел.

Три варианта, как учил Беляев. Всегда три, не меньше: один — очевидный, второй — удобный, третий — тот, который не хочется.

Первый: Лев кого-то нанял. Но тогда зачем приходить к следователю и называть время? Нанявший сидит в ресторане при свидетелях, а не в полиции.

Второй: Лев не в себе. Семнадцать лет одной мысли — достаточно, чтобы поехать крышей. Но люди не в себе не спрашивают про камеры. И не кладут колоду рубашкой вверх.

Третий: ему нужно, чтобы полиция оказалась в доме Беляева. Именно сегодня, именно сейчас. Зачем — непонятно. Но только этот вариант объяснял, почему он сидит здесь и ждёт, а не прячется.

«Если тебя очень хотят куда-то привести, — говорил Беляев, — сначала узнай зачем».

Она написала ему: «Руденко?»

Ответ пришёл через минуту: «Знаю. Не лезь, Ира. Я сам».

Беляев всегда писал так — коротко, с точками, будто подписывал протокол.

Ирина убрала руку с телефона. Карты в пальцах Льва на секунду замерли.

— Саша, — сказала она в селектор. — Зайди.

Оперуполномоченный Гончаров появился через минуту — двадцать шесть лет, куртка нараспашку, в зубах незажжённая сигарета, которую он бросал курить уже полгода.

— Ирина Сергеевна?

— Подними из архива дело Корнеевой Веры Павловны. Семнадцать лет назад, «Волна», овраг. И дело её отца, Корнеева Павла, — оно на три года раньше. Всё, что есть. Сюда.

Гончаров посмотрел на Льва, на колоду, на стакан с чаем.

— Сейчас? Архив до шести.

— Значит, найди того, у кого ключ.

19:05

Пока Гончаров искал ключ, Ирина спрашивала о пустом, и Лев отвечал подробно. Оба понимали, что тянут время. Только она не понимала, зачем его тянет он.

Он оценивал риски для страховой компании в областном центре — «считаю, сколько стоит чужая беспечность». Не женат. В юности играл в шахматы за область, был кандидатом в мастера.

— Кто научил?

— Вера. Мне было шесть, ей девять. — Колода лежала неподвижно. — Она всегда брала белые. Говорила: кто ходит первым, тот и решает, какой будет партия. Я её обыграл в первый раз в двенадцать. Она неделю со мной не разговаривала.

— А покер?

— Потом. В шахматах всё видно, вся доска перед тобой. Проигрываешь — значит, плохо считал. В людях не так. В людях всегда есть закрытые карты. Я хотел научиться считать и их.

— Научились?

Он не ответил.

— О чём Вера попросила вас в последний раз?

— Отнести конверт. — Лев чуть пожал плечами. — За день до. Бросить в почтовый ящик на Садовой. Сказала — бумаги по работе, срочно, а ей некогда. Я бросил. — Он помолчал. — Я так и не узнал, что там было.

Ирина записала это в блокнот. Сама не знала зачем.

К семи она поняла про него одну вещь.

Когда Лев уверен, колода лежит на столе, а говорит он шахматами: коротко, утвердительно, как записывают ходы. «Ответ вынужденный». «Дальше — техника». Когда не уверен — берёт карты в руки и начинает говорить картами: «закрытая рука», «на кону», «сбросит». Про Беляева — только шахматы. Про Руденко — только карты. Покеристы называют это «телл»: жест, который выдаёт руку.

Она проверила.

— А Вера? Вы знаете, что она делала в тот вечер? Зачем пошла к Руденко?

Он взял колоду.

— Её карты я знаю. Она хотела, чтобы он признался про отца. Она играла в открытую. Карты. Про сестру — карты.

Ирина обвела в блокноте слово «конверт».

19:20

Дождь усилился. По стеклу шло сплошное мутное полотно, и фонарь во дворе расплывался в нём жёлтым пятном.

Лев больше не смотрел на Ирину — только на часы. Колода ходила в пальцах без остановки: снять, подрезать, перекинуть, снять.

Гончаров втащил в кабинет две серые папки с разлохмаченными завязками и картонную коробку.

— Корнеева Вера — вот. Корнеев Павел — вот, там тощенькая. В коробке вещдоки, что остались. Сторож вредный попался, пришлось звонить заваривом домой.

— Положи. И не уходи далеко.

Гончаров вышел. Лев проводил папки взглядом — так смотрят на чужие карты, которые вот-вот откроют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.